

Все мы тут кролики разных возрастов и категорий
и скачем — прыг-скок — по стране Уолта Диснея.

К. Кизи. Над кукушкиным гнездом

А Россия мне — как сон.

И. Соколов-Микитов. Чижикова лавра

Тепло ли тебе, девица? Тепло ли тебе, красавица?

Из кинофильма «Морозко»

И руки сна неодолимо

Под звуки музыки текут.

Неизвестный автор. Из сна

Большой автомобиль

...Большой автомобиль проплывал мимо, отъехав от кафе, да вдруг начал тормозить, хотя они и не махали, надеясь на дальнбойщиков или какую-нибудь «буханку» из райцентра, это Вася заметил по поводу одной такой машины, что, мол, «буханка», а девушка сначала подумала вообще о каком-то древнем транспорте, ну, там, о какой-то телеге, что ль, с будкой, как в кино про Русь босую, лапотную или даже недавнюю советскую. Он ей объяснил. Она засмеялась, он тоже:

— А ты подумала, что рлжаная?

Вася иногда картавил слегка.

— Хуу-угу! — откликнулась она, кивая, лишь бы позабавить этого остроносого рыжика.

— Ты прикольная, — заметил Вася.

— Нет, живая, — возразила она.

— В смысле? — спросил Вася.

— Слетевшая с иголки! — выпалила она.

Он удивленно вытаращился на девушку.

— Так ты... торлчала? Вальчонок?

— Была пришпилена. В коробке под стеклом.

— Хм, меня вон тоже хотели замариновать...

И в этот момент внедорожник и затормозил, проехав в туманном сиянии фонарей, фар. Вася глянул и отвернулся. И тогда водитель сдал назад, поравнявшись с молодыми людьми, остановился. Сквозь стекло ничего не было видно. Но Вальчонок-то видела — вдруг увидела.

Вот что это было.

Первобытная река, мутная, текущая где-то в степи или в саванне, с редкими толстоствольными деревьями, желтоватой, пыльной, и в этих водах кто-то плыл — звери, мощные гривастые львы, олени; а другие животные шли берегом, шли, куда-то шли и шли, пока не появились столбы, ворота, это был вход, и вспыхнула догадка, что это знаки покинутой цивилизации, но кто же сейчас здесь всем распоряжается? — как тут же явился ответ: Черные обезьяны! И сразу вдали запыхало, клуб пыли приближался — это был джип, за рулем сидела черная обезьяна, а позади еще несколько черных обезьян, и они горланили по-человечески: «Вешать! Вешать и стрелять! Вешать! Вешать и стрелять!»

Ну, это обычное у Вальчонка.

Она покосилась на спутника. А вдруг и он?.. Ведь она знала его всего каких-то два-три часа. Она с любопытством смотрела, смотрела. Но он ничего не говорил, не удивлялся, не прятался. Ей-то, пожалуй, и захотелось куда-нибудь шмыгнуть — вон, какие-то склады у дороги, что ли. Да Вася стоял. Ей всегда, конечно, странно было, что никто не обращает на такие вещи внимания.

Вдруг стекло, туманное и как будто жидкое, поехало вниз, в глубине автомобиля замаячило лицо и послышался голос:

— Ребята, куда путь держим?..

— Мы? — спросил Вася.

— Автостопщики?

— Мы?.. А... Ну да. — Вася никак не мог собраться с мыслями. — В сторону... в сторону... этого... Брянска.

После некоторого молчания голос вновь раздался:

— До самого Брянска не довезу, но по дороге подброшу.

Вася оглянулся на девушку.

— Ты... поедешь, Вальчонок?

Она обернулась, как будто за нею стоял кто-то еще.

— Хахаха, — засмеялась она и полезла на заднее сиденье.

Вася открыл переднюю дверцу и сел.

— А рюкзак? — спросил водитель.

Вася оглянулся.

— А!..

Он забрал рюкзак, поставил его рядом с девушкой и наконец уселся. Автомобиль тронулся.

В салоне было тепло, уютно. Вальчонок хихикала. Водитель, темноволосый мужчина средних лет в «аляске», ловил ее отражение в зеркале. Но молчал. Лицо его было хмурым, каким-то замороженным. Вальчонок — а хорошо ее назвал сразу, как только услышал имя, Вася — старалась не смотреть на его отражение. Она глядела в окно. За окном туманилась поздняя зима, унылая, плачущая уже. Вася глядел вперед. Что у него на уме? Как только они познакомились на Соборном холме в городе, куда этот Вася притащился с рюкзаком, чтобы встретиться с тем фотографом и взять у него денег, потому что у него не было денег совсем и он убежал, она узнала, где он ночует. Ночевал Вася на чердаках

...пятиэтажных домов, скрываясь от людей. Они его преследовали из-за одной вещи. Но никак не могли захватить врасплох. И как-то подослали гулящую, она пыталась соблазнить его, но сообщники выдали себя, закашляв. И Вася кинулся к выходу на крышу. Они ворвались на чердак и погнались за ним. Он побежал по гремящей железной крыше,

они — следом. Закричали, что он сейчас разобьется. Расшибется в лепешку!..

Но Вася ушел. И на улице потом старательно очищал куртку от прилипшего голубинового помета и пуха, всякого сора.

Как же ему это удалось? Вальчонок хотела у него спросить, да забыла, а сейчас вспомнила.

— Вася, Вась, — тихо зашелестела она губами, приближаясь к нему. — Куда ты подевался с крыши тогда?

Он оглянулся, шмыгнул носом.

— Чего?.. Когда?.. Ты что?

Водитель посмотрел в зеркало.

— Ну, ну... с крыши, когда на чердак они вылезли? Ты что, не помнишь? Забыл, да?

Вася шмыгнул носом.

— С крыши? — напряженно спросил он. — Отстань, не знаю.

Она отстала, поняв, что Вася остерегается водителя. Да, ему надо было осторожничать. Видимо, в этом и было дело, ага. Ему нельзя было ночевать на чердаках, а он это делал постоянно, жевал булку, читал книжку под гульканье голубей. Жаль, что ей пока не удалось поучаствовать в этой его жизни. Он понравился бы Мартыновне. Но к моменту его появления на Соборной горе Мартыновна уже исчезла, как и обещала. Ее любили птицы, голуби, потом эти... воробьи и синички. К ней всегда подходили люди с фотиками и щелкали, а однажды даже на кинокамеру снимали, наверное для кино. Перед возвращением Матушки в Дом из Москвы, где Ее поновляли, лечили, чистили, хотя Она и так чиста, как первый снег на ветке и даже чище. Но такую игру устроили. А Мартыновна уже сказала, что как Матушка вернется, она исчезнет совсем, бросит всех нищих соборных, надоевших ей хуже редьки, и попов, и ментов, гоняющих братию из угла в угол, да вон еще и казаков каких-то в лохматых шапках, с сизыми носами. «Я тебе брошу!» — грозил ей Мюсляй, забиравший у ней почти всю денежку, что дали добрые и злые люди. И показывал кулак. Этот Мюсляй откуда-то притащился с Генералом, доходягой при деньгах. Жили все тогда под землей, в теплом большом туалете с кафельной плиткой, с дверями, там был такой коридорчик длинный, туда и приносили свои мешки, картонки, да спали. В самом сердце города — в туалете возле собора на горе. У Генерала были деньги и медали, но ничего не осталось, все раздербанили внуки и правнуки, разворовали, а самого Генерала убили,

повезли в деревню и убили, сбросили в подвал, да он выжил, вылез и пошел по земле. И где-то и повстречал этого Мюсляя. За то прозвали его, что глаза его как мюсли, это Белочка сказала, а он считает, что они нарочно искажают его истинное прозвище — Мыслитель. Ибо любит говорить много и непонятно. И если услышит, что его так кличут, по-Белочкину, то и прибить может, а кулак у него аховский, зимой он в кожане, в унтах, как летчик, голос громовой.

— Не самое лучшее вы время выбрали, — сказал тяжело водитель, опуская стекло. Он распечатал пачку, видимо только что купленную в кафе, щелкнул зажигалкой и закурил.

— В смысле? — переспросил Вася.

— Даже март не начался.

— А мы... мы поближе к югу и тянем, — сказал Вася.

— Брянск... А дальше? — спросил водитель. — Там Украина. В Крым?

— Нет, — сказал торопливо Вася и засмеялся. — Зачем нам Крым?

Водитель посмотрел на него.

— Интересно. Всем он нужен, а вам — нет?

— Земли и так хватает, — отозвался Вася. — Можно и в Сочи погреться у моря.

Водитель покачал головой и ответил:

— Не-эт, земли всегда мало.

— Вы не космонавт? — спросила Валя.

Водитель посмотрел на нее в зеркало, с шумом выпустил струю табачного дыма:

— Пфф-фа!..

Вася кивнул.

— Вот именно.

— В космосе тоже идет борьба, — сказал водитель.

— Между землей и небом война, — напел Вася. — Все как в «Левиафане».

— Это по Звягинцеву, что ли?.. — поинтересовался водитель. — Он же обманщик и русофоб. Север другой. Север не знал крепостного права. Люди там сильнее, а у него сплошь хапуги и алкаши. На севере свет.

— Нет, это по Гоббсу, — заметил Вася.

— А вы, дяденька, с севера? — спросила Валя.

Водитель хмыкнул.

— Нет, — сказал он. — Но бывал там, в Архангельске и на Соловках, на экскурсии. Монахи, конечно, основательно устроились. Каналы, башни. Особенно красиво, когда подплываешь: эти все купола вылупляются из моря.

— Красота гулаговская, — сказал Вася. — Солж расписал ее здорово.

— Это кто?

— Солженицын.

— Ну... Тут надо смотреть вперед, а не ковыряться в прошлом.

— Не все прошлое говно, — сказал Вася.

— Это слишком нехорошо сказано, — ответил водитель. — Зачем же ругать все скопом?

— Так вы сами сказали.

— Я имел в виду Солженицына.

— А правда, нет ночей? И прям светло как днем? — спросила Валя.

Водитель хмыкнул.

— Правда. Неужели по телевизору не видела? Или вон по Ютубу?.. Светло, хоть шей. На куполах и крестах свет солнца даже в час ночи.

— Ой! — воскликнула Валя. — Вася, поедем туда.

— Там еще зима в полном разгаре, — ответил с неудовольствием Вася. — И полярная ночь вообще. Проклятье, — добавил он с отчаянием.

— А когда же наступит день, чтобы без тьмы? — спросила Валя.

— Летом, — сказал водитель.

Некоторое время все молчали, как будто прислушиваясь к ровной работе мотора, шуму дороги, ослеплявшей их радужными сполохами фар. Но встречных автомобилей уже было меньше. А вокруг простирались сероватые поля, уходящие в черноту. По холмам светились иногда деревни.

— А-у-нас-давно-уже-эта-ночь-давно, — пробормотала скороговоркой Валя. — Не-видать-ни-зги.

Водитель поймал ее изображение в зеркале.

— Ничего, утром рассветет, — сказал он.

— Нет-нет-нет, — затараторила Валя. — Нету-почти-света. Мартыновна улетела. Хотя Матушка вот и вернулась. Но там сейчас ее накроют. Рясами, платками, грязными поцелуями. Фу, пакость какая. На сто шагов не подпускала бы никого. Давно говорила Мюсюля, надо купить лампу, лампу керосиновую. Ходишь и спотыкаешься. Не видно. Нет свету. Так он не разрешил. Ага, а себе на табак берет сколько хочет да на вино. А мне на лампу не дал. Прибью, говорит, и тебя, и лампу. Потому как сам-то из угля весь, угля тьмы, а в сердце чернила. И глаза из гуталина. Страшный. Уже хватился и меня ищет.

— Чудно, — пробормотал водитель и посмотрел на Васю как только можно дольше.

— Чудно, что есть места с тем фаворским светом, а есть без него, — отозвалась Валя.

— Хватит тебе, — попросил Вася.

— Ребята, а вы вообще откуда едете? — спросил водитель.

Они молчали. Так в молчании и ехали дальше. Вася начал клевать носом, и Валя увидела, как мужик с бородой в подпоясанной рубахе спускается по камням к реке — к Днепру — и зажигает керосиновые лампы: одну, другую, третью, — и трепещущие огоньки тех ламп отражаются в темных водах...

Автомобиль мягко подпрыгнул, и Вася очнулся, ошарашенно вытаращился вперед, потом посмотрел на водителя и проговорил с некоторым удивлением:

— Лев Толстой приснился.

Водитель мельком глянул на него.

— Что говорил?

Вася подумал и пожал плечами.

— Ничего.

Помолчав, добавил:

— Керлосиновый сон.

Еще через некоторое время автомобиль начал тормозить и остановился.

— Все, — сказал водитель. — Здесь я сворачиваю. Дорога на Брянск — прямо.

— Спасибо, — ответил Вася. — Денег у нас нет.

— Я догадался, — сказал водитель.

— Хорошо, — сказал Вася и начал выбираться из автомобиля.

Пассажирка не двигалась. Водитель оглянулся. Девушка спала, положив голову на рюкзак.

Он соскочил с поезда возле открытой террасы со столиками, сразу подошел к светловолосой девушке, обнял ее. Она запрокинула голову: о, это ты? Он принялся целовать ее чудесное светлое лицо, расспрашивать: как ты здесь?

Голос диспетчера: «Это уже опасно, надо спешить!»

Мы стоим, не разнимая рук.

Снова диспетчер: «Его качества могут рассеяться».

Она: «Иди, иди».

Он: «Подожди, сейчас... Как это место называется?»

Она: «Что?»

Он: «Как этот город называется?»

Она (с удивлением): «Основная Теория».

Он (всматриваясь в ее лицо и сопротивляясь силе, утягивающей в некое жерло): «Сколько лет вы здесь живете?»

Она (как бы не понимая): «Что?.. Сто сорок».

Он: «Сто сорок?»

Она: «Семьдесят».

И все, его затащило обратно в поезд. По лицу потекли даже слезы. Смешно, он думал, что уже никогда не попадет на эту станцию. Никогда уже не попадешь туда, на эту станцию, и не увидишь светловолосую девушку. Он не знал, что все железные дороги соединяются и есть специальный атлас этих дорог, станций, полустанков. По ним можно все проследить. И она это знала, хотя и не была светловолосой девушкой.

Проснулась

Проснулась Валя от сильной качки, как будто они уже добрались до северного моря и плыли теперь к Соловкам. Но нет, все было то же: впереди водитель, рядом с ним Вася.

— Ой, — произнесла она. — Мм... Тут нет нигде остановки?

— Здравсьте, — сказал Вася. — Остановки по расписанию. Валя засопела.

— Но мне... уже надо, — сказала она.

— Куда, в супермаркет? — спросил Вася. — Или в библиотеку?

— А где мы? — спросила Валя, глядя в окно.

За окном не было ни огонька.

— Хых, — отозвался Вася.

— Ой, я больше не могу, остановите, — попросила Валя и захныкала.

— Чего ты?

— Не могу, обоссусь, — сказала Валя.

Водитель расхохотался и затормозил. Валя тут же выскочила на улицу и, отбежав немного в сторону, присела, спустив штаны и подхватив полы куртки. О, блаженство. Даже в этом величие Семидесяти Двух.

Подойдя к автомобилю, она не спешила занять свое место. Водитель курил. Вася оглянулся.

— Ну, чего?

— Хотела спросить, — проговорила Валя, — спросить...

— Что?

— ...Забыла, — призналась она и села.

Автомобиль тронулся.

Через некоторое время впереди засветился какой-то огонек.

— Огонек! — воскликнула Валя.

Огонек приближался. Из тьмы вырастал дом. Автомобиль остановился.

— Все, — сказал водитель, — приехали.

Валя сидела не шевелясь. Вася тоже. Потом он задвигался, открыл дверцу и вышел, заглянул к Вале и взял рюкзак. Валя все сидела. С улицы доносился лай.

— Ну ты чего? — спросил Вася. — Так и будешь торлчать?

— А чего это такое? — спрашивала Валя. — Чего? Куда нас завезли? Темень какая...

— На северный полюс! — воскликнул Вася.

К автомобилю кто-то шел с фонариком.

— Вон, керосинщик какой-то крадется, — пробормотала Валя.

— А мне как раз... — начал Вася и замолчал.

— Юрьевич! — позвал подошедший мужик.

— Все нормально, Эдик, добрался, — ответил водитель. — Привез тебе помощников.

Эдик направил луч на Васю, тот отвернулся, заслоняясь ладонью.

— Вижу одного только, — пробормотал мужик и перевел луч на автомобиль.

Валя пригнулась, стараясь спрятаться за спинкой переднего сиденья.

— Давай, выходи, — сказал ей Вася.

— Куда мы приперлись? Ну куда? Зачем? А что скажет Мюслий? Ой, Матушка, спаси и сохрани.

— Выходи уже.

— Не выйду. Хочу назад, в город.

— Вальчонок...

И это имя возымело магическое действие. Девушка покорно начала выбираться. Мужик Эдик осветил и ее. Она зашла за Васю. Но был он шупл и невысок даже в своем толстом матерчатом пальто, так что скрыться полностью ей не удалось.

— Валя и Вася, — представил их Юрьевич и, обернувшись к мужику, попросил куда-то их отвести.

Еще он передал мужику сумку с покупками, за что тот поблагодарил его. Между ними состоялся короткий смутный диалог, Эдик спрашивал, как там прошла встреча на высшем уровне, Юрьевич устало отвечал, что так и прошла... как обычно... в стиле *вешать и стрелять*. Эдик посмеялся, заметил, что ничего лучшего они придумать не могут.

Вася и Валя пошли за тем фонариком по замерзшим к ночи ледяным и снежным комьям. Мужик привел их в вагончик, нашел керосиновую лампу и зажег ее.

— Ой, керосинка, керосинка, я же говорила, говорила, — забормотала Валя.

— Ты ничего не говорила, — возразил Вася. — Это я видел.

— Свет будет, — сказал мужик, — ну завтра там, послезавтра. Провода оборвало. С тех пор и не протягивали пока... Кхм. — Он кашлянул в кулак. — Значит, располагайтесь. Вон койки. Печка, а дровишки на улице... Айда покажу.

Вася сходил с ним и вернулся с охапкой поленьев. Мужик ушел. Вася сгрузил поленья у железной печки.

— Посмотри, есть там ножик или чего-нибудь, — попросил он.

Валя взяла лампу, но вместо того, чтобы искать нож, залюбовалась горящим гребешком под стеклом. Вася ждал. Валя любовалась. Потом она обратила внимание на тени.

— Опа-па, ты похож, похож на... на... карлика! — воскликнула она. — Или на кота. Нет, на пингвина.

Вася посмотрел на тени.

— А я... я... на матушку Татиану. Копия! Видал?

Вася поднял руку и помахал ею. Потом другую.

— Ну пингвин и есть! — воскликнула она.

— Жирный пингвин прячется в расселине, — пробормотал Вася.

— А ты живешь на чердаках? — подхватила Валя.

— Блин, какая-то угарная сказка, — сказал Вася.

— Про пингвина на чердаках! — отозвалась Валя и хлопнула в ладоши.

Вася встал и сам принялся искать нож. И нашел столовый тупой ножик. Взяв его, он начал щепать лучины, ударяя по ножу другим поленом. После долгой возни ему удалось подпалить поленья. Вагончик наполнился дымом. Валя закашляла и выскочила на улицу. Но понемногу дым рассеялся, тяга установилась, из трубы повалило густо, бело. Вася позвал девушку. И она вбежала в вагончик и присела перед печкой, протягивая руки, ухая. Потом сказала, что хочет чаю или какао. Вася в ответ фукнул. Рассказал, что ненавидит какао, напиток тоталитаризма. Его мучили этим какао в лагере.

— Да я сразу поняла, ага, ага. Вижу: сиделец.

— Да нет, — сказал Вася, — это был пионерский лагерь. Меня туда уpekла мамаша. И меня пичкали какао, зараза, и всяким дерьмом застарелым советским. Там, речевками разными, песнями про костры-Ленина, игрой «Зарница», хотя я уже тогда никого не хотел убивать. Проклятье. А я еще и пионером не был! — воскликнул он с отчаянием. — Недорос. Но мамаша договорилась. Она у меня бегемот. Уже все на ладан дышало, весь этот монстр гнилой. ...И снова — несет гнилью.

Валя слушала его, поглядывая с сомнением.

— Врешь ты, — заключила она. — Враки, враки все.

Вася уставился на нее с удивлением.

— Я-а? Врлу? Прло какао Ленина? «Зарлницу»?

От волнения и возмущения он начал сильно картавить.

— Ху-гу! Сидел, сидел! Они тебя подстерегли, схватили. Ночевал на чердаках, ходил по крышам. А они этого не любят. Не любят, не любят. — Валя помотала головой.

— А-а... Да нет, — отвечал Вася, успокаиваясь. — В тюрьме не сидел...

— Сидел! — упрямылась Валя. — Сидел!

Вася смотрел на нее.

— Сидел! — повторила она.

— Не в тюрьме, — тихо ответил Вася. — Слушай, я уморился, как гусь на перелете через Гималаи. Из Москвы ехал, потом на гору с церквушкой забирался, ждал Никкора... А он приперся с какой-то чувихой, приехал в ваш город свадьбу снимать, а сам втюрился в невесту, хых. Хых-хых, хых-хых!.. — Вася не мог остановиться и смеялся.

— Тот, с фотиком? — спросила Валя и тоже начала подхихикивать, глядя на Васю.

Вскоре они смеялись на два голоса. И вдруг Вася оборвал смех.

— Вот дерьмо... зараза...

А Валя еще продолжала смеяться, захлебываясь, тряся вьющимися локонами.

Вася озирался с опаской на окно, потом встал и вышел. Походив где-то, вернулся. Валя все еще смеялась.

— Да замолчи ты уже! — потребовал Вася.

Валя взглянула на него и зажала себе рот ладонью, продолжая хихикать.

— А телефон у этой невесты оказался невыключенным после последнего разговора, — проговаривал вслух свои тревожные мысли Вася. — Проклятье. И ее жених все слышал. Их шашни — да и ладно бы. Но и разговоры с нами, со мной. Это засада. За нами могут идти по следу. Он обязательно наведет, зараза. Да и если самого Никкора прижмут к стене, он сразу расколется, сдаст с потрохами. Надо отсюда выметаться. Вот что! — Он решительно посмотрел на девушку, разомлевшую от печного тепла, с раскрасневшимися щеками и блестящими глазами.

В тепле от нее, от ее одежды пахло затхло. Видно, она давно не мылась. Но, правда, Вася привык к этим тяжелым запахам. Да уже и отвык, пока добирался до этого города. Воля — как воздух, дышишь и не замечаешь. Но разве это воля? Еще нет, еще нет. Воля впереди.

— Нам надо уходить, — сказал Вася.

— Да, — тут же согласилась Валя. — Здесь тьма, тьма, тьма. Пойдем туда, где белые ночи.

Вася встал, взялся за рюкзак, позаимствованный на одной остановке, и сказал, что бумагу оставит, обменяет ее на одеяло. Он вытащил рулон проклеенной полиэтиленовой пленкой бумаги, который оказался в этом рюкзаке у какого-то дачника на остановке, и, стащив с железной койки ватное одеяло, сложил его и сунул в рюкзак.

— Больше ничего брать не будем, — сказал он.

— А лампу? — спросила Валя.

— Ладно, — согласился Вася.

— И ножик, — добавила Валя.

— Ок! — ответил Вася.

— Ты мне — я тебе, — сказала Валя. — Но что ты им оставишь?

— Как что, бумагу.

— Бумагу?.. Стены оклеивать?

— Что хотят, то и пускай делают, хоть поэму пишут.

— Их, — вздохнула глубоко Валя и вдруг твердо сказала, что этого мало.

— В смысле?

— Мало-мало-мало. Мыло-мама-раму-рыло... Хи-хи. Я им оставлю шарф.

— Ты что, дура?

Валя пожала плечами.

— Наверное.

Вася смотрел на нее.

— Без спросу ничего не трогай, так говорила Мартыновна, — объяснила наконец свою позицию Валя.

— Хых-хых-хы-хы! — засмеялся безудержно Вася. — Хыхыхыхы.

— Кроме шуток, правда говорила.

— Так говорил Заратустра! — выпалил Вася.

— Да-а-а? — переспросила Валя. — Какой еще...

— Немецко-персидский придурок.

— Хорошая кличка, — одобрила Валя. — Не то что наш Мюсляй. Уж он-то чужого не упустит. У него не руки — магниты даже на бумажные деньги: все липнет. Он подчистую обобрал Генерала. И нас обдирал как липок. Страшный зверь. Спаси-оборони, Матушка-заступница.

— Ага... жди, оборонит...

— Типун тебе на язык, как говорит Мартыновна.

— Если б только типун — да и ок, я согласен. Но они сразу руки заламывать, наручники, в кутузку... в обиде

за бога на нас с Бакуниным.

— Твой дружок?

— Хых-хыхы!.. Да, так, знакомый один. Ну хорош, пошли... Да не разматывай свой шарф.

— Я без того не пойду.

— Хыхыхы!..

— Проси — и воздастся, а без спросу...

— Слышал, слышал. Так говорил ваш Антисаратустра. Ну, я не знаю... Хочешь — оставайся.

— Нет, я с тобой, — поспешно сказала Валя, снимая длинный шарф и кладя его на стол.

— Так шарф забери! На улице не май.

— Нет.

— Вот же черт!.. Ладно... Тут у меня есть сколько-то... одолженного у Никкора.

И Вася полез в карман, достал бумажные деньги. Мельче сотенных бумажек не было. И Вася решил, что за старое драное одеяло и тупой ножик — это слишком дорого. Тогда они взяли и лампу. Вася смотрел на рулон бумаги и бормотал:

— Надо забрать...

— Зачем?

— От дождя укрываться. Ты знаешь, в Японии вообще дома из бумаги.

Валя засмеялась.

— Не веришь?

— Откуда такое взял?

— Да я про Японию все знаю. У меня и кличка — Фуджи.

— А! Вот! — воскликнула Валя и сделала такое движение руками, как будто ловит что-то в воздухе.

Ловила — и поймала.

— И еще неизвестно, куда лучше ехать, — сказал Вася. — На юг в Украину или на восток к японцам.

— В белые ночи, — ответила Валя.

— Чего?.. На север? Там холодина собачья. Да и все та же Рашка грязная и зачумленная рабством.

В это время послышались шаги. В вагончик заглянул давешний мужик.

— Ну че? Все у вас тут на мази? О, печка тянет. Молодцом. Чаек можно вскипятить в чайнике. Вот, я принес. И заварки прихватил с хлебом и сахаром. — С этими словами мужик поставил на печку чайник с водой, положил на стол кулек с сахаром и батон. — Кружки вон. Так... А что это? — спросил он, указав на рулон бумаги.

Вася замялся. Валя ответила:

— Для поэмы!

Мужик внимательно посмотрел на нее, щурясь, сдвинул камуфляжную кепку на затылок, обнажая лоб, переходящий плавно в лысину, и тихонько присвистнул.

— Так вы батраки или поэты?

И тут Вася ответил:

— Вольные стрланники.

Мужик не смог удержаться и засмеялся.

— И кто? — спросил он сквозь смех.

Вася собрался с духом, чтобы не картавить, но вовремя нашел синоним:

— Путешественники.

— Вольные? — уточнил мужик.

Вася хотел ответить утвердительно, но вдруг задумался, задумался и ничего не сказал. Зато сказала Валя:

— Калики мы перехожие, дяденька.

Мужик снова засмеялся.

— Оно и видно! Завали меня буина.

— Кто такой? — тут же наострилась Валя.

— Буина-то? — спросил мужик. — А еще узнаете. Ох, ну, бляха-маха, цирк. Лады. Ужинайте и смотрите тут не очень раскочегаривайте печурку-то, а то и петух ночной закукарекает.

И он ушел. Чайник стоял на печи да шипел, и они решили все-таки почаевничать, а потом уже и отправляться в путь-дорогу.

— Что ты там про калек объясняла? — вспомнил Вася.

Валя запела:

— Сорок калик их со каликою-у-у... Оне думали думушку-у-у... А едину думушку крепкую-у-у...

Вася с любопытством наблюдал за нею. Валя преображалась, ее лицо обретало какую-то ясную целостность.

— А итить нам, братцы, дорога не ближняя-а-а... Итти будет ко городу Иерусалиму... Святой святыни помолитися... — Тут она как будто проглотила слово. — ... гробу приложитися... Во Ердань-реке искупатися-а-а... Нетленною ризой утеретися-а-а... Итти селами и деревнями-и-и... Городами теми с пригородками-и-и... А в том-та веть заповедь положена-а-а... Кто украдет, или кто солжет... Едина оставить во чистом поле-э-э... И окопать по плеча во сыру землю-у-у...

В это время запел и задрезжал чайник, Вася протянул руку, взялся за дужку и сразу отдернул руку, замахал ею и с

проклятиями выскочил на улицу, сунул руку в снег. А Валя тем временем обернула дужку тряпкой, сняла чайник, сбила ножиком крышку и сыпанула в бурлящую воду заварки.

Вася вернулся в вагончик, с неудовольствием глядя на Валю.

— А ты не такая уж глушенная, как кажешься, — сказал он ей.

— Так если железо горячее, — ответила она, — тряпку надо взять, Фуджик.

— Хм. Да ты знаешь хотя бы, что такое Фуджи? — с раздражением спросил Вася, разглядывая обожженные пальцы.

— Не-а.

— Гора. Самая крутая гора в мире.

Валя захихикала.

— Чего ржешь? Ее фотографируют и рисуют все кому не лень. Вулкан! Фуджи — по-японски крутизна.

Валя повалилась на койку, продолжая смеяться. Вася взялся левой рукой за дужку, обернутую тряпкой, налил в кружку чая, посластил его и принялся пить. Хотел отломать кусок батона, но вспомнил о ножике и откромсал пласт.

Отсмеявшись, к нему присоединилась и Валя.

— Да-а... — бормотал Вася, — зараза... обжегся на ночь глядя... На улице ветер... Может, они и не видели, как мы сели в эту машину... А если и видели, откуда знают, куда мы? Тем более свернули... Интересно, сколько кэмэ мы уже проехали?

Валя сербала чай. Она расстегнулась, стащила большую вязаную шапку с помпоном, смешно вытягивала губы и громко прихлебывала.

Вася покосился на нее.

— Как лошадь.

Валя повела крупными карими глазами и промолчала.

После чаепития она стала деловито застегиваться, озираться.

— Да не, — сказал Вася, — слушай... Лучше нам пока остаться.

Валя взглянула на него и покачала головой.

— Не-а, надо уходить.

— Почему? — удивленно спросил Вася.

— Не знаю, — призналась она и вдруг прижала руки к груди. — Фу-у-джик, пойдём, а? Ну пойдём отсюда? Чего ты? Пойдем.

— Да постой ты... Нас вон чаем угостили, кров дали... Вижу, сколько Вальчонка не корми... Нет, останемся. Куда мы? А тут печка, чайник.

— Его можно купить, — быстро сказала она.

— Успеется. Вот накопим денег, закупим продуктов, палатку. А может, лодку. И тогда по весенней воде — и ускользнем. Пока лед еще на реках.

И они остались, вынули из рюкзака одеяло, поставили в угол рулон бумаги, сняли верхнюю одежду, обувь и легли на скрипучие железные койки. Вася задул лампу. В печке догорали дрова. Пахло дымком и грязной одеждой. Валя звучно скреблась в голове.

— У тебя что, вши? — спросил Вася.

— Не-а, — ответила Валя, продолжая чесаться. — Это от жары.

Молчали. По снегу кто-то подбежал к вагончику. Замер. Валя и Вася тоже затаились. Кто-то прошел вдоль вагончика, снова приблизился к двери. Послышалось дыхание. Потом шаги удалились, и все стихло.

Вскоре Вася засопел, всхрипнул, что-то пробормотал...

Мрачные ущелья

...мрачные ущелья, но не в горах, и стены ущелий были не каменные, а какие-то костяные, что ли, и колонны тянулись, да костяные и бамбуковые, внушительные, гигантские. И летел рядом с ними, медленно поднимался, озираясь и говоря себе, что надо все запомнить, надо запомнить. Со стороны, видимо, был похож на комарика.

Щелк! Щелк! Жжжжж, вторая серия.

Фабрика. Работницы в синих косынках, синих передниках. У одной из девушек робко интересуется, какой сейчас год. Она удивленно смотрит.

— Как «какой»? Вы чего?

Ну, начал что-то мямлить про память, обстоятельства... Она озадаченно улыбнулась и отошла к подружке, зашептала ей...

Появился мастер или даже начальник цеха. Надо уносить ноги. Как же это делается здесь? А так — буквально: оторвались ноги от пола и полетел по цехам, ввергая в смятение работниц и рабочих. Выход! Выход! Где же выход?

Увидел и рванул к нему, выпорхнул, как мотылек в форточку. На улице понял, что находится в Москве. Да вот какого года Москва?

Уже скромно шагал и не решался ни у кого спрашивать ничего. Но вот заметил женщину в беретке с сумочкой. И обратился к ней с тем же вопросом. Она шарахнулась, но все-таки бросила:

— Газеты читать надо!

И тут осенило. Конечно! Это лучший способ незаметно узнать время. Принялся искать газетный стенд и вскоре увидел его. Под стеклом газета. Но медлил, не подходил. И вот по какой причине.

Дело в том, что, когда начинаешь что-то читать, это означает скорое завершение всего. Обычно сразу все и уплывает из рук. Любопытная особенность, о которой надо еще поразмышлять. Впрочем, уже и сейчас можно сказать следующее. Текст, как правило, структурирует сознание, поток образов, мыслей. Следовательно, это действует на вольный полет бессознательного, как разряд электричества.

Ну в общем, поборов страх, приблизился к стенду. И сразу прочел, что газета вышла в 1937 году.

Валя еще вставала попить. Смотрела в окно. Потом и она затихла в зрительном зале. Вдруг над головами сидящих замелькала тень.

— Это птица! — крикнул кто-то.

— Да, да! Птица пролетела!

— Кто-то умер!

И действительно, в третьем ряду обнаружили мертвого человека. Старуху с петлей на шее. Все собрались возле нее, заглядывая брезгливо и участливо... И внезапно она открыла маленькие, злые, цепкие, черные глазки и уставилась на меня.

— Вы оба умерли, — произнесла она сдавленно.

Утром их разбудил Эдик. Он постучал в дверь, не дожидаясь ответа, распахнул ее и вошел. Начал шуметь, укорять, что так поздно встают, — да еще и не встают вовсе, а дрыхнут на седьмом небе, так дело не пойдет, здесь не санаторий и не пионерский лагерь...

— ...с какао, — тут же подхватил Вася.

— Борис Юрьевич вас принял подсобными рабочими, так и вставайте подсоблять. — Мужик посмотрел на часы и сказал, что дает им двадцать минут, ладно, полчаса на завтрак и ждет вон у того краснокирпичного здания.

А где взять воды, не сказал, ушел, хмуря русые брови и кругля синие маленькие глазки. Вася обошел вокруг вагончика, но воды не обнаружил. Тогда он набил снегом пустую жестяную банку из-под помидоров, валявшуюся под столом, взялся щепать полено, долго не мог развести огонь, а Валя все валялась на койке, закутавшись в рваное ватное одеяло, и не желала выползть на холод.

— Ты че, не умеешь? — хриплым со сна голосом спросила она. — У меня бабка за пять секунд печь затопляла. И я могла. Потом разучилась.

Вася посмотрел на нее и ничего не ответил. И снова зажигал спички. Наконец огонек занялся.

— Я, — сказал Вася, распрямляясь, — знаешь сколько костров на своем веку зажег?

— Сколько? — поинтересовалась Валя, следя за ним из своего кокона.

— Столько, сколько положено индейцу.

Валя почтительно замолчала.

Вася поставил банку со снегом на печку.

— Дерьмо, зараза, проклятье, — заругался он. — Разве за полчаса тут управишься? Мы что, в армии? Или на заводе?

— А ты служил?

— Нет.

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru